

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2024.2.5

Коллективизм в дискурсах современного национализма: кризис гражданского общества и воссоздание «мы»

К. В. АРШИН

Институт философии РАН

В статье рассматриваются процессы кризиса национальных сообществ в странах Запада, а также те рецепты, которые предлагаются западными мыслителями для преодоления данного кризиса. Автор разделяет кризисные явления, которые поразили современные западные общества, на обусловленные объективными процессами глобализации и субъективными переживаниями граждан западных государств. Следствием субъективных переживаний граждан западных стран становится разрушение скелета западных обществ — гражданского общества как союза союзов граждан, создаваемого для защиты своих прав и свобод.

Кризис гражданского общества порождает обращение западных обществ к национализму, который в течение всего периода, начавшегося после окончания Второй мировой войны, рассматривался в качестве воплощения «абсолютного общественного зла». Тем не менее именно с национализмом современные исследователи и консервативной, и либеральной ориентации связывают надежды на возрождение гражданского общества и появление коллективного «мы» в качестве решения проблем упадка демократии и размывания ценностей свободы.

Ключевые слова: нация; национализм; гражданское общество; либерализм; сообщество

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир находится в процессе фазового перехода от одних форм человеческого общежития к другим. Переход этот вызван не только экономическими изменениями, что, с точки зрения ортодоксальных марксистов, очевидно, поскольку, как заметил еще К. Маркс, общественное бытие определяет общественное сознание, но и изменениями в тех сферах социальной жизни, которые марксисты обычно относят к надстройке, — политике, культуре, социальной жизни (в узком смысле этого слова). Все вместе позволяет социальным теоретикам говорить о кризисе существующих форм организации социума — форм организации семьи, первичных групп (куда можно отнести организации гражданского общества), партий, экономических классов. Особым вниманием пользуется нация. Это не удиви-

тельно. В течение последних веков именно нация рассматривалась как главная форма организации социума, определяющая его политическое, экономическое и социальное существование.

Кризис нации как типа организации социума, развернувшийся на рубеже 1990–2000-х гг. и принявший форму кризиса нации-государства, привел к появлению концепций, ставящих под сомнение будущее этого социального феномена и предрекающих индивидуализацию общества, распад его на атомизированных индивидов, объединенных теми или иными функциональными связями, но не испытывающих друг к другу каких-либо эмоциональных чувств. Однако реальность оказалась намного сложнее, и сегодня все большее число теоретиков из разных идеологических лагерей утверждают, что и в XXI в. людям необходим источник эмоциональных связей, которым в западных обществах служит именно нация.

В статье будут последовательно рассмотрены вопросы определения нации современными исследователями, причины кризиса гражданского общества, которое является необходимой основой существования нации, и трактовки причин возрождения национализма представителями консервативного и либерального лагерей.

ЧТО ТАКОЕ НАЦИЯ?

Многие статьи и книги, посвященные феноменам нации и национализма, начинаются со слов, что именно такие социальные явления, как нация и национализм, являются «теми силами, что, помимо прочих, сформировали современный мир» (Dag, 2022: 441). И представляется, что именно это утверждение выступает практически единственным общим местом для исследователей указанных феноменов. Так, ответов на вопрос, который поставил еще в конце XIX в. французский историк и филолог Эрнст Ренан: «Что такое нация?», появляется все больше и больше. Условно определения можно разделить на объективистские и субъективистские.

Объективистские определения фокусируют внимание на объективных критериях принадлежности к нации: язык, проживание на общей территории, наличие общей религии и т. д. Классическим в данном случае можно считать определение нации, которое дал в работе «Марксизм и национальный вопрос» Иосиф Сталин, совместивший в своем определении признаки нации, которые выделили в своих трудах, посвященных национальному вопросу, австро-марксисты Карл Реннер, Отто Бауэр и Карл Каутский. Напомню, что, по Сталину, «нация — исторически сложившаяся устойчивая общность, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин, 1937: 6). Данное определение нации подверглось критике уже в 1960-е гг. в рамках развернувшейся на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссии об определении понятия нации (Козлов, 1974). Однако в советской исторической и философской науке оно оставалось каноническим вплоть до крушения СССР и последовавших за этим возобновлением теоретических дебатов о природе нации, вызванных широким распространением в отечественной академической среде работ западных исследователей национализма. Тем не менее некоторые современные теоретики, в частности израильский философ Йорам Хазони, обращаются именно к объективным критериям выделения нации среди других социальных общностей. Например, в работе «Добродетель национализма» (2018) Хазони

дает следующее определение нации: «Совокупность человеческих групп («tribes»), имеющих общий язык или религию, а также общее представление о событиях прошлого, в которых они выступали как единое целое либо в рамках обороны от противника, либо при реализации каких-либо крупномасштабных проектов» (Nazony, 2018: 19).

Субъективистские определения нации, напротив, фиксируют внимание на психологических переживаниях отдельных представителей национального сообщества себя как членов национального целого. Наиболее известное и наиболее тиражируемое субъективистское определение нации было представлено Эрнстом Ренаном в его работе «Что такое нация?»: «Нация — это ясно выраженное желание продолжать общую жизнь. Существование нации — это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума — вечное утверждение жизни» (Ренан, 1889: Электронный ресурс). Есть и ряд современных исследователей, которые продолжают традицию Ренана. В частности, американский исследователь Дэвид Миллер в книге «О национальности» (1995) пишет: «Национальные сообщества состоят из убеждений: нации существуют, когда их члены признают друг друга как соотечественников и верят, что они обладают соответствующими характеристиками» (Miller, 1995: 22). С ним согласен британский исследователь Флориан Бибер, указывающий на важность выбора самих индивидов в пользу идентификации себя с нацией как определяющей предпосылки конституирования нации (Bieber, 2020). Однако апофеозом субъективистского понимания нации, вероятно, следует считать определение нации британского историка Эрика Хобсбаума, с точки зрения которого под нацией можно понимать любую группу людей, которые считают себя таковой (Хобсбаум, 1998).

Ряд исследователей в попытке избежать крайностей объективизма и субъективизма совмещают в определении нации субъективистский и объективистский подходы. Так, американский исследователь Джеймс Г. Келлас полагает, что «нации имеют “объективные” характеристики, которые могут включать территорию, язык или общее происхождение (хотя не все из них всегда присутствуют), а также “субъективные” характеристики, по сути, осознание людьми своей национальности и привязанность к ней» (Kellas, 1998: 3). Похожее определение строит израильский историк Йель Тамир. С ее точки зрения, «группа определяется как нация, если она демонстрирует как достаточное количество общих объективных характеристик, таких как язык, история или территория, и самосознания своей самобытности» (Tamir, 1993: 66).

Некоторые же исследователи, например американский историк Алан Финлейсон, совсем отказываются от попыток дать общее определение нации. Так, с точки зрения Финлейсона, каждое национальное сообщество является побочным продуктом политико-идеологического дискурса, построенного и артикулированного в определенном контексте с определенным смыслом и развернутого для легитимизации тотализирующих политических проектов конкретных идеологий, связывая их нацией как естественным, обусловленным самим существованием человека явлением. Это означает, что нации представляют собой разнообразные явления, каждая из которых обладает своей особенностью и определяется через эту особенность (Finlayson, 1998).

Несмотря на множественность определений нации, авторы сходятся во мнении об объективном существовании этого сложного для понимания социального фе-

номена. Также общим местом рассуждений о нации выступает представление о том, что это некая группа или коллектив людей, обладающих определенными характеристиками (в данном случае неважно — субъективными или объективными). И многие исследователи констатируют кризис современной нации как одной из форм организации человеческого коллектива. Последнее подавляющим числом исследователей связывается с глобализацией, в рамках которой проходят процессы «интеграции мирового сообщества, интернационализации образов жизни, появление наднациональных объединений, образование глобальных транснациональных корпораций, увеличение роста миграционных процессов и развитие международного рынка труда, развитие телекоммуникационных технологий, разрушающих единый ритм национальной жизни за счет создания альтернативного виртуального времени и пространства» (Кожевникова, 2012: 4).

КРИЗИС ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Однако глобализация — это процесс, который осуществляет дезинтеграцию нации «сверху», разрушая то, что составляет объективную природу нации, — единство территории, интенсивность экономических связей внутри этой территории, единство языка и т. д. При этом нация как форма организации общества также разрушается «снизу» в связи с кризисом первичных социальных коллективов, членами которых непосредственно являются человеческие существа, в которых они проходят социализацию и с которыми себя ассоциируют. В данном случае речь идет о гражданском обществе, причем в той его трактовке, которую дает шотландский философ Адам Фергюсон в работе «Опыт истории гражданского общества». Согласно Фергюсону, гражданское общество — это союз различных партий и сословий, а также граждан, отличающихся друг от друга способами и областью приложения своей деятельности, размерами частной собственности (Фергюсон, 2000). Целью существования такого сообщества Фергюсон видит счастье составляющих его индивидов. При этом счастье отдельного человека состоит в правильном приложении своих природных сил и талантов, своих нравственных качеств, а также «в утверждении себя в качестве члена сообщества, в сердце которого неистовым пламенем горит забота об общем благе, оттесняя на задний план все те личные озабоченности, которые являются основой болезненных опасений, страха, ревности и зависти», и в качестве такового в стремлении к достижению общего блага (там же: 101). Важно отметить, что последнее связано у Фергюсона с понятием свободы, трактуемой им как «право, которое каждый человек должен быть готов отстаивать для самого себя» (там же: 373), но опять же не в одиночку, а через участие в коллективах (партии, сословия, иные союзы граждан). Здесь важно отметить, что шотландский мыслитель делает специальный акцент на том, что свобода возможна только вне и помимо государства (или, как он говорит, «политических учреждений»), которое зачастую рассматривается как источник прав и свобод, фактически таковым источником не являясь.

Начиная с эпохи А. Фергюсона именно гражданское общество рассматривалось в качестве того скелета, на котором держалась нация.

И этот скелет в развитых странах постепенно разрушается. Граждане развитых государств Европы и США прикладывают все меньше усилий для реализации каких-то совместных проектов, требующих их непосредственного участия и взаимодействия.

Так, в работе 1995 г. «Bowling Alone» американский социолог Роберт Патнэм описал признаки снижения степени объединения американцев в ассоциации:

- 1) посещаемость собраний для решения городских и школьных дел уменьшилась на 35%;
- 2) отправление должности в каком-либо клубе или организации уменьшилось на 42%;
- 3) участие в распорядительном органе какой-либо местной организации уменьшилось на 39%;
- 4) количество членов школьных комитетов уменьшилось на 61%;
- 5) средний показатель участия в 32 национальных объединениях (chapter-based associations) уменьшился почти на 50%;
- 6) количество членов мужских лиг боулинга уменьшилось на 73% (Putnam, 1995).

Похожие данные в отношении Великобритании приводит британский историк Ниал Фергюсон:

- «1) лишь каждый десятый так или иначе участвовал в решении вопросов местного значения или в оказании таких услуг (например, исполнял обязанности члена школьного совета либо мирового судьи);
- 2) лишь четверть населения так или иначе занималась формальной волонтерской деятельностью не реже раза в месяц (большинство граждан организовывало или помогало организовать какое-либо мероприятие, обычно спортивное, или участвовало в сборе необходимых для такого мероприятия средств);
- 3) доля тех, кто принимал участие в неформальной волонтерской деятельности не реже раза в месяц (например, помогал пожилым соседям), упала с 35 до 29% (не реже раза в год — с 62 до 54%);
- 4) с 2005 г. объем пожертвований неуклонно снижается» (Фергюсон, 2006: 139).

Им вторит канадский урбанист Джейн Джекобс, сокрушаясь об упадке городских сообществ в пригородах больших американских городов:

«Чтобы такие сообщества могли жить, люди как минимум должны встречаться друг с другом. Встреч с коллегами по работе и даже с друзьями недостаточно. Нужны встречи с разными людьми, с которыми вы делите пространство проживания и с которыми вы готовы разделить ответственность за него. Происходит нечто печальное. К примеру, энергичный общественно активный гражданин начинает кампанию по улучшению места обитания в обычной социальной пустыне США или Канады. Речь идет о том, чтобы прочистить ручей или пруд, вернуть жизнь местному воскресному рынку или общественному центру. Возможно даже, что это сообщество получит какую-то премию за свои достижения. И что дальше? Чаще всего благородное усилие героя не укореняется. Когда он переезжает в другое место, слабеет с возрастом или умирает, созданное им тоже сходит на нет. Это происходит потому, что нет сообщества, которое могло бы подхватить и нести его бремя» (Джекобс, 2006: 57).

Кто или что несет вину за указанные обстоятельства? Каждый из авторов дает свой ответ. Если для Патнэма главную вину за сложившееся положение вещей несут новые цифровые технологии, то Фергюсон вслед за А. Токвилем видит главного виновника в государстве «с его соблазнительной перспективой “защиты от колыбели до могилы”» (Фергюсон, 2006: 141). Джекобс напротив утверждает, что основной враг низовых ассоциаций в том, что она называет «политикой неокон-

серватизма». Под последним понимается моралистская убежденность в том, «что всякое публичное благо или публичная услуга должны напрямую зарабатывать достаточно для оплаты своих расходов» (Джекобс, 2006: 167). Джекобс пишет: «Предполагается, что любой художник должен зарабатывать достаточно, чтобы доказать право искусства на существование. Если больницы, оркестры или линии общественного транспорта не могут достичь прямой окупаемости (а лучше, если они дают налогооблагаемую прибыль), то в них с презрением видят настырных попрошайек» (там же).

Однако, какова бы ни была причина разрушения гражданского общества, его следствие одно — опасность, о которой писал американский социальный теоретик Эрих Фромм: появление человеческой личности «для которой характерно ощущение бессилия, одиночества, тревоги и неуверенности <...> готовность принять любую идеологию и любого вождя за обещание волнующей жизни, за предложение политической структуры и символов, дающих жизни индивида какую-то видимость смысла и порядка» (Фромм, 2016: 176, 187). Последнее, как указывает российский социальный теоретик А. В. Павлов, ставит вопрос о легитимации того социального порядка, который сложился в период 1990–2020-х гг. (Павлов, 2021), что, в свою очередь, порождает новые идеологические конструкты, призванные наметить пути выхода из идеологического кризиса, обусловленного концом «конца истории».

ПРИШЕСТВИЕ НЕОНАЦИОНАЛИЗМА: ПОЧЕМУ?

Одной из таких идеологий можно назвать неонационализм. Как и национализм, он не имеет четкого определения. Тем не менее есть ряд положений, которые могут характеризовать данную идеологию, — это прославление прошлого, подавление инакомыслия, превращение науки в оружие, поиск врагов и натравливание на них своих сторонников (в качестве таких врагов могут быть назначены различные меньшинства — от мигрантов и марксистов до геев, цыган и мировой плутократии) (Sicka, 2024).

Какова причина возвращения неонационализма? Консервативный мыслитель Роберт Рено в книге «Return of the Strong Gods: Nationalism, Populism, and the Future of the West» (Reno, 2019) указывает следующую причину: желание ныне живущих поколений отказаться от консенсуса, сложившегося после Второй мировой войны, а именно консенсуса, который зиждется на двух «китах». Первый кит — открытый рынок, в рамках которого атомизированный индивид может получить то, что он желает. Второй «кит» — провозглашенное социальное разнообразие, которое единственное может предотвратить появления политических режимов, сравнимых с гитлеровской Германией. Эти два «кита» стали основой для установившегося режима «слабого» либерализма, но признание значимости этих двух «китов» привело к ослаблению того, что Рено называет «сильными богами», а именно «объектов человеческой любви и преданности, источников страстей и преданности, объединяющих общество» (там же: 8). Современный либерализм, утверждает Рено, слишком низок в своих притязаниях, в нем велико неприятие величия и трансцендентности, в его прославлении разнообразия без различий, в его отвращении к любой форме дискриминации. Этот либерализм породил политически инертное население, находящееся в ситуации дезориентации, население, не понимающее, что его объединяет. Именно в этом, по мысли Рено, состоит

кризис современного Запада. Для преодоления этого кризиса американский консерватор требует смены политики открытости и деконсолидации на политику лояльности и солидарности. Для этого необходима смена политической элиты, поскольку последняя утратила лояльность по отношению к тем, кем она руководит, что, по сути, и стало причиной того политического кризиса, из которого и родился неонационализм. Граждане теперь требуют, чтобы те, кто находится у власти, после многих лет неудач снова взяли на себя мантию подлинного лидерства. Таким образом, «все больше и больше людей на Западе хотят возвращения сильных богов» (там же: 170).

Фактически, выражая точку зрения людей правых взглядов, Рено призывает к обновленному ощущению национализма, основанному не на биологическом наследии, а на чувстве общей культуры и гражданских обязанностей. Он считает, что нация является логичным выбором для наших общественных страстей. Как он объясняет, концепция «мы» наполняет политическую солидарность священным значением, поскольку сильный бог нации вытягивает нас из наших «маленьких миров». Необходимо иметь общее представление об общем благе, чтобы сформулировать то представление о «мы», которое является сутью общественной жизни.

Консервативную позицию Рено поддерживает Йель Тамир, израильский мыслитель либеральных взглядов. Как и Рено, она выражает уверенность в неспособности современных политических элит предложить свои ответы на важнейшие вопросы современности, а именно что формирует человека как существо политическое; что представляет собой политическая идентичность и как должны действовать люди в качестве политических существ, для того чтобы формировать сообщество и проект того будущего, какое они желают для себя и своих детей. Подобная деградация политических элит, как полагает Тамир, связана с неспособностью современных мыслителей и политиков сформулировать непротиворечивое понятие свободы как способности человека самостоятельно управлять своей жизнью для увеличения ее продуктивности, делая в рамках данной своей деятельности осмысленный выбор. Вместо этого свобода трактовалась лишь как возможность свободно передвигаться и торговать, а также свободно определять свое членство в том или ином сообществе. При этом, отмечает Тамир, те, кто определял свободу именно таким образом, забывали, что лишь немногие счастливицы обладали подлинной возможностью добровольно определять свое членство в тех или иных сообществах. Большинство ограничены в своем выборе (так было и так есть). Однако эта самая ограниченность в самоопределении для большинства при абсолютной свободе элиты служила основой для разрушения того общественного договора, который является основой существования любой демократии.

Инструмент преодоления существующего кризиса Тамир видит в новом социальном контракте, «который уравнивает права и свободы человека с социальной солидарностью и групповой идентичностью» (Tamir, 2019: 182; также см.: Shelle, 2020: 708–709), что, в свою очередь, требует восстановления партнерства между национализмом, либерализмом и демократией. Только восстановление такого партнерства, хотя оно само по себе и проблематично, что признает Тамир, может послужить основой для формирования новой концепции общего блага, основанной на представлении о свободе человека.

Без воссоздания такого партнерства невозможно политическое «мы», без которого государства распадаются. При этом чувство «мы», убеждает Тамир, не есть нечто предзаданное, его необходимо постоянно создавать и воссоздавать как посредством институтов и идей, так и посредством воображения и символов, т. е. как политики, так и культуры (здесь либерал Тамир практически солидаризуется с консерватором Рено). А это означает, что деполитизация общественной жизни, на которой настаивают современные либералы, в больше мере вредна, нежели полезна. Характерная для современного либерализма вера в исторический прогресс, который должен привести к формированию единого человечества, которое будет жить в более справедливом мире, — это не более чем иллюзия. Напротив, полагает Тамир, «мир без границ далек от идеала; он не может быть ни демократическим, ни справедливым» (Тамир, 2019: 196). Это подтверждает хотя бы тот факт, что современные международные организации отнюдь не лучше защищают права и свободы граждан, в отличие от национальных государств, а порой и хуже. Поэтому «чтобы помочь растущему числу людей, страдающих от процесса, который она называет “гиперглобализацией”, и чтобы обеспечить демократическое представительство, одновременно восстанавливая утраченное социальное и политическое доверие, национальное государство, заключает она, является нашим лучшим выбором» (Shelle, 2020: 709).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо констатировать, что вопрос о нации и национализме до сих пор является одним из важнейших в современной социальной науке. При этом мыслители с разными идеологическими ориентациями в отношении значимости нации как формы социального объединения и национализма, как способа создания и воссоздания этой формы в значительной мере солидаризуются. Причина этого видится в том, что, несмотря на те метаморфозы, что преодолел капитализм в качестве социально-экономической системы за последние несколько веков, а также те новые формы капитализма, которые появились в течение последних десятилетий (Миланович, 2022), его основы остались неизменными. Следовательно, не появилось ни одной иной формы организации человечества, в наибольшей степени отвечающей требованиям этой социально-экономической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Джекобс, Дж. (2006) Закат Америки. Впереди Средневековье : пер. с англ. В. А. Глазычев. М. : Европа. 264 с.
- Кожевникова, Ю. А. (2012) Кризис национальной идентичности в глобализирующемся мире : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. 23 с.
- Козлов, В. И. (1974) Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Этнографическое обозрение. №2. С. 79–92.
- Миланович, Б. (2022) Капитализм и ничего больше: будущее системы, которая правит миром / пер. с англ. А. Ф. Васильева. М. : Изд-во Института Гайдара. 400 с.
- Павлов, А. В. (2021) Что нового в новом капитализме? // Социология власти. №33 (1). С. 39–63.
- Ренан, Э. (1889) Что такое нация? [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chto_takoe_natzia.shtml (дата обращения: 07.05.2024).
- Сталин, И. (1937) Марксизм и национальный вопрос // Сталин, И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М. : Партиздат ЦК ВКП(б). С. 3–45.

- Фергюсон, А. (2000) Опыт истории гражданского общества / пер. с англ. И. И. Мюрберг ; под ред. М. А. Абрамова. М. : РОССПЭН. 389 с.
- Фергюсон, Н. (2006) Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства / пер. с англ. Илья Кригер. М. : ООО «Издательство АСТ». 192 с.
- Фромм, Э. (2016) Бегство от свободы / пер. с англ. А. И. Фет. Nykoping : Philosophical arkiv. 233 с.
- Хобсбаум, Э. (1998) Нации и национализм после 1780-го года / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб. : Алетейя. 307 с.
- Bieber, F. (2020) Debating nationalism: the global spread of nations. London : Bloomsbury Academic. 246 p.
- Dar, A. M. (2022) Revisiting key debates in the study of nationalism // Humanities and Social Sciences Communications. №9 (1). P. 411.
- Finlayson, A. (1998) Ideology, discourse and nationalism // J Political Ideol. №3 (1). P. 99–118.
- Hazon, Y. (2018) The virtue of nationalism. Basic Books, New York. 232 p.
- Kellas, J. G. (1998) The politics of nationalism and ethnicity. 2nd ed. Basingstoke : Macmillan. 188 p.
- Miller, D. (1995) On nationality. Oxford : Clarendon Press. 232 p.
- Putnam, R. (1995) Bowling alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1 : 65–78.
- Reno, R. R. (2019) Return of the Strong Gods: Nationalism, Populism, and the Future of the West. Washington, DC : Regnery Gateway. 208 p.
- Shelle, T. (2020) Minding the Nation Anew: Reflections on Recent Studies of Nationalism // Society. №57. P. 704–709.
- Sicka, B. (2024) Neo-nationalism, a many-headed hydra // Higher Education. №87. P. 515–518.
- Tamir, Y. (1993) Liberal nationalism. Princeton : Princeton University Press. 240 p.
- Tamir, Y. (2019) Why Nationalism Princeton, NJ : Princeton University Press. 223 p.

Дата поступления: 08.05.2024 г.

*COLLECTIVISM IN THE DISCOURSES OF MODERN NATIONALISM:
THE CRISIS OF CIVIL SOCIETY
AND THE RECONSTRUCTION OF "WE"*

*K. V. ARSHIN
RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY*

The article examines the processes of crisis of national communities in Western countries, as well as the recipes proposed by Western thinkers to overcome this crisis. The author divides the crisis phenomena that have struck modern Western societies into those caused by the objective processes of globalization and the subjective experiences of citizens of Western countries. The consequence of the subjective experiences of citizens of Western countries is the destruction of the skeleton of Western societies — civil society as a union of unions of citizens created to protect their rights and freedoms.

The crisis of civil society gives rise to a turn in Western societies to nationalism, which throughout the post-World War II period was seen as the embodiment of the “absolute social evil.” Nevertheless, it is with nationalism that modern researchers of both conservative and liberal orientations pin their hopes for the revival of civil society and the emergence of a collective “we” as a solution to the problems of the decline of democracy and the erosion of the values of freedom.

Key words: nation, nationalism, civil society, liberalism, community

REFERENCES

- Dzhekobs, Dzh. (2006) *Zakat Ameriki. Vperedi Srednevekov'e*. Moscow, Evropa. 264 pp. (In Russ.).

- Kozhevnikova, Yu. A. (2012) *Krizis nacional'noj identichnosti v globaliziruyushchetsya mire*. Abstract of the Diss. ... Cand. of Philosophy. Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Kozlov, V. I. (1974) Problema etnicheskogo samosoznaniya i ee mesto v teorii etnosa. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 79–92. (In Russ.).
- Milanovich, B. (2022) *Kapitalizm i nichego bol'she: budushchee sistemy, kotoraya pravit mirom*. Moscow, Gajdar Institute Publ. 400 p. (In Russ.).
- Pavlov, A. V. (2021) Chto novogo v novom kapitalizme? *Sociologiya vlasti*, no. 33 (1), pp. 39–63. (In Russ.).
- Renan, E. (1889) *Chto takoe naciya?* [online]. Available at: http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chto_takoe_natzia.shtml (accessed: 07.05.2024). (In Russ.).
- Stalin, I. (1937) Marksizm i nacional'nyj vopros. In: Stalin, I. *Marksizm i nacional'no-kolonial'nyj vopros*. Moscow, Partizdat CK VKP(b). Pp. 3–45. (In Russ.).
- Fergyuson, A. (2000) *Opyt istorii grazhdanskogo obshchestva*. Moscow, ROSSPEN. 389 p. (In Russ.).
- Fergyuson, N. (2006) *Velikoe vyrozhdenie. Kak razrushayutsya instituty i gibnut gosudarstva*. Moscow, AST. 192 p. (In Russ.).
- Fromm, E. (2016) *Begstvo ot svobody*. Nykoping : Philosophical arkiv. 233 p. (In Russ.).
- Hobsbaum, E. (1998) *Nacii i nacionalizm posle 1780-go goda*. St.-Petersburg, Aleteya. 307 p. (In Russ.).
- Bieber, F. (2020) *Debating nationalism: the global spread of nations*. London, Bloomsbury Academic. 246 p.
- Dar, A. M. (2022) Revisiting key debates in the study of nationalism. *Humanities and Social Sciences Communications*, no. 9 (1), pp. 411.
- Finlayson, A. (1998) Ideology, discourse and nationalism. *J Political Ideol*, no. 3 (1), pp. 99–118.
- Hazon, Y. (2018) *The virtue of nationalism*. Basic Books, New York. 232 p.
- Kellas, J. G. (1998) *The politics of nationalism and ethnicity*. 2nd ed. Basingstoke, Macmillan. 188 p.
- Miller, D. (1995) *On nationality*. Oxford, Clarendon Press. 232 p.
- Putnam, R. (1995) Bowling alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, no. 1, pp. 65–78.
- Reno, R. R. (2019) *Return of the Strong Gods: Nationalism, Populism, and the Future of the West*. Washington, DC, Regnery Gateway. 208 p.
- Shelle, T. (2020) Minding the Nation Anew: Reflections on Recent Studies of Nationalism. *Society*, no. 57, pp. 704–709.
- Sicka, B. (2024) Neo-nationalism, a many-headed hydra. *Higher Education*, no. 87, pp. 515–518.
- Tamir, Y. (1993) *Liberal nationalism*. Princeton, Princeton University Press. 240 p.
- Tamir, Y. (2019) *Why Nationalism*. Princeton, NJ, Princeton University Press. 223 p.

Submission date: 08.05.2024.

Аршин Константин Валерьевич — кандидат философских наук, докторант сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: (495) 697-98-93. Эл. адрес: kosta-10@yandex.ru

Arshin Konstantin Valerievich, Candidate of Philosophical Sciences, Doctoral Student Doctoral Student in the Social Philosophy Sector at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: (495) 697-98-93. E-mail: kosta-10@yandex.ru